

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ПОЛИТИКИ

DOI 10.35775/PSI.2025.123.6.014

УДК 320.092.7

Д.А. РАЗИНКОВ

аспирант кафедры Философии политики и права
Философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова,
Россия, г. Москва
E-mail: razinkoff.danil@gmail.com

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КОНЦЕПЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Появление концепции политической культуры в американской политической науке связано с работой Алмонда 1956 года, где автор вводит и описывает категорию. При этом классической считается работа Алмонда в соавторстве с Сидни Верба, где концепция получила не только теоретическое развитие, но и стала теоретико-методологической рамкой для сравнительного исследования среди 5 стран. Так, концепция политической культуры стала одной из доминирующих концептуальных моделей в сравнительной политологии и методологическим обоснованием множества исследований. О масштабе концепции говорит и масштаб ее критики, которая касается как самой теории, методологии, идеологического контекста возникновения концепции, а также несостыковки с эмпирической реальностью. В этой статье будет рассмотрена и обозначена история развития концепции, альтернативные от классического подходы к пониманию и изучению политической культуры, которые были ответом на критику или происходили в связи с появлением новых научных парадигм и подходов.

Ключевые слова: история политологии, культурология, структурный функционализм, антропология, критика политической культуры, онтология культуры, субъективизм, интерпретивизм.

Введение. В статье будет представлен анализ развития концепции политической культуры. Исходя из этой цели, можно сформулировать такие задачи как описание новизны и вклада того или иного подхода к пониманию феномена, а также определение контекста, в котором появился новый взгляд на политическую культуру. Сразу стоит отметить, что в фокусе внимания будет находиться именно политологическая категория, концептуализация которой происходила на рубеже 1950–1960-х годов в работах Алмонда и Вербы. Идеи истоки концепции, которые можно найти и в «Духе законов» Монтескье, и у Гердера, и даже у Платона, не будут рассматриваться в работе – началом концептуального периода будем считать именно 1964 год и работу «Гражданская культура». Концепция Алмонда и Вербы, таким образом – первый и начальный этап формирования категории, от которой и будут отталкиваться другие авторы, продолжающие ее

развитие в своих работах и с которой будет проходить сравнительный анализ всех остальных перечисленных подходов в этой статье.

Кратко опишем условия формирования концепции Алмонда и Вербы, а также ее основные элементы. Продуктивным способом изложения контекста возникновения, будет рассмотрение этого контекста на следующих уровнях: **культурологическом** – почему именно культурная категория вошла в политологический дискурс и в каком значении; **дисциплинарном** – какие научные области повлияли на формирования теоретико-методологические оснований введения концепции; а также **идеологическом** – ответом на какие политико-идеологические и общественные запросы было появление концепции в 60-е годы XX века.

Материалы и методы исследования. Итак, культурологический уровень связан с семиотическим основание концепции, а именно значением слова «культура». Реймонд Уильямс в своем генетическом исследовании [6] этого понятия выделяет следующие основные этимологические аспекты понятия: культура как воспитанность, напрямую связано с изначальным значением слова из области сельского хозяйства [4. С. 105-113]; понимание культуры как синонима прогресса и «цивилизации» – результат французского Просвещения и появляется в XVII веке; наконец – «народный» культурный поворот, который связан с немецким идеализмом и пониманием культуры как особого образа жизни в противовес универсалистской колониальной «цивилизации» – фактически, просвещенческое и идеалистическое понимания культуры являются антонимами. Именно идеалистическое понимание культуры с его интересом к экзотическому и антиколониальным настроением заимствуют антропологи и «культура» становится этнологическим понятием, понятием из области наук о человеке.

Так, упомянув антропологию, мы подошли к дисциплинарному уровню контекста возникновения понятия. Сами авторы в своей работе пишут, что употребляют именно культурную категорию с целью обогащения своей концепции из конкретных наук – а именно антропологии, социологии и психологии. Культура как совокупность знаний, законов, ценностей, верований в антропологическом понимании [6] получает свое теоретическое развитие в социологии. Алмонд и Верба прямо ссылаются [1] на структурно-функциональную теорию в Парсонса и Шилза при определении и типологизации политических ориентаций. Нельзя не упомянуть и о влиянии психологии, которое выразилось бихевиоральном подходе [9. С. 54-66], которое доминировало в общественных науках того периода.

Наконец, политико-идеологический уровень связан с теми политическими условиями, которые повлияли на появление концепции. Сами авторы прямо об этом пишут: «Взрывы национальных чувств» в Азии и Африке и почти повсеместное давление со стороны ранее зависимых и изолированных народов, добивающихся, чтобы их допустили в современный мир, вписывают эту довольно специфическую политическую проблему в более широкий контекст будущего облика мировой культуры. То медленное, на ощупь продвижение к просвещению и господству над природой, импульс к которому возник на Западе три

или четыре столетия назад, стало общемировым процессом...» [1]. Так, условия противостояния двух общественно-политических систем во время Холодной войны и необходимость применения инструментов политического анализа к объяснению отличия одних обществ от других, являются важными факторами, которые повлияли на формирование концепции.

Результаты и обсуждение. Теперь кратко рассмотрим, как авторы работы «Гражданская культура» описывали свою концепцию. Собственно, политическая культура определяется как «специфическое распределение моделей ориентации по отношению к политическим объектам» [1]. Ориентации бывают когнитивные, эмоциональные и оценочные, а в политическую систему авторы описывают как взаимосвязь 3-х объектов: структуры и институты политической системы, конкретные исполнители или политические акторы, а также конкретные действия. Исходя из различных комбинаций распределения ориентаций, Алмонд и Верба выделяют идеальные типы политической культуры, выделяя патриархальную, подданническую и участническую.

В аннотации к статье уже упоминалась обильная критика концепции, среди которой можно выделить теоретическое, методологическое, идеологическое и эмпирическое направления. Так, **теоретическая** критика касается широты и неопределенности концепции, психологический редукционизм и сведение культуры к индивидуальным установкам, а также неразработанность роли и места политической системы в концепции. Методологическая критика вытекает из бихевиорально-позитивистского подхода и применения сравнительной количественной методологии к такому сложному понятию как культура. **Нормативная** критика была уже частично описана выше и связана с консервативным характером концепции. Наконец, **эмпирическое** направление критики указывает на слабую объяснительную силу теории.

Итак, классическая концепция политической культуры, как уже было указано выше, сформировалась под влиянием структурно-функциональной теории и появилась на пике популярности бихевиорального подхода в политической науке [2. С. 28-48] в первой половине 1960-х годов. Уже к началу 1970-х годов можно говорить о появлении **субъективистского** подхода к изучению политической культуры. Главными представителями можно назвать автора работы «Советская политика и политическая наука» [10. Р. 89-104] А. Брауна и С. Уайта, который написал «Политическая культура и советский политик» [16. Р. 22]. Если классическая концепция объясняла стабильность демократических режимов, то субъективистский подход применялся прежде всего для объяснения устойчивости социалистических режимов, прежде всего послеоттепельного Советского Союза. Причины появления подхода понятны: во-первых, ослабление бихевиорального методологического доминирования, а во-вторых – невозможность проведения полевых исследований в социалистических странах.

Браун расширяет понимание политической культуры, кроме психологических субъективных ориентаций он предлагает исследовать феномен через анализ текста. В качестве эмпирических материалов А. Браун предлагает [8. С. 36]

художественную литературу актуальных авторов, мемуары, исторические материалы, официальные образовательные документы, а также вторичные данные опросов. Пытаясь защищаться от логичной критики, Браун указывал [8. С. 36], что брать во внимание необходимо только те материалы, которые могут быть косвенно подтверждены, от чего критика в субъективизме не стала менее интенсивной. Уайт расширил [8. С. 36] объект эмпирического анализа и включил туда историю страны как таковую – исторический опыт становится текстом и выступает в качестве фундаментального фактора в исследовании политической культуры. Так, Уайт рассматривал особенности политической ориентации Советского Союза в качестве переменной, которая обусловлена исторической политико-культурной традицией.

К достоинствам этого подхода отнесем расширение объекта эмпирического исследования – так или иначе преодолевается психологизм концепции, берутся во внимание такие культурные артефакты как разного рода тексты, а также анализируются исторические предпосылки и традиция – картина и концепция политической культуры значительно расширяется, политическая культура действительно видится как часть общей культуры. При этом остается эмпирическая критика – субъективистский подход также не обладает предсказательной силой, так как и Перестройка и развал СССР оказались неожиданными для советологов событиями.

Следующий подход – **символистский или интерпретационный** который появился в конце 1970-х годов под влиянием антропологии и который развивали такие теоретики как Р. Такер, А. Вилдавский, Л. Диттмер и Х.И. Виарда. В рамках этого подхода культура понимается в антропологическом духе, который удачно выразил Клиффорд Гирц: «Разделяя точку зрения Макса Вебера, согласно которой человек – это животное, опутанное сотканными им самим сетями смыслов, я полагаю, что этими сетями является культура. И анализировать ее должна не экспериментальная наука, занятая выявлением закона, а интерпретативная, занятая поисками значений» [3. С. 171-200].

В фокусе внимания символистского подхода оказывается значение символов и культурных образцов, которые встроены в общественную символическую систему. Исследователь Н. Петро отметит, что «Трансляция политических ценностей посредством символов может быть определена как политическая связь, а изучение ее системы дает аналитику возможность рассматривать явление политической культуры в принятых современной культурологией терминах контекста и его значения» [8].

Методологический аспект субъективистского подхода заключается в том, что кроме субъективных политических ориентаций, объект исследования включает в себя как «явное» наблюдаемое политическое поведение, следующее за образцами, а также «скрытые» аспекты, такие как знания, отношения и ценности, которыми обладают граждане и передают следующим поколениям. Формирование политической культуры тут происходит [8; 13. Р. 175] на пересечении областей образцов политического поведения и настроения граждан. Задача

исследователя тут не просто наблюдение за поведением, а интерпретация смыслов – какая символическая система стоит за политическим поведением и политическим сознанием граждан – тут можем прямо говорить о политической этнографии.

К проблемам этого подхода можно также отнести субъективность – интерпретация символов и культурных кодов может зависеть от мировоззренческих установок самого исследователя. С этим связана и сложность эмпирической проверки выводов, основанных на интерпретации символов. Кроме того, уходя в символический анализ легко оторваться от реальных политических процессов и проигнорировать реальные политические решения и действия, а сами символы могут быть инструментом манипуляции и легитимации политических решений или властных отношений. К достоинствам подхода отнесем его интегративность – политическая культура становится не изолированной областью моделей ориентаций, а входит в реальный широкий культурный контекст. Кроме того, фиксируется не просто отношения и ценности, а реально наблюдаемое поведение, а также те причины и смыслы, которые за ним стоят. Также этот подход придает политико-культурной концепции динамичности – один и тот же символ может нести разную смысловую нагрузку как в разные исторические периоды, так и для разных групп.

Один из самых ярких современных теоретиков политической культуры Стивен Уэлч в 1993 году опубликовал работу «The concept of political culture» [14], в которой выступил с интерпретативных позиций, предложив при исследовании политической культуры фокусироваться на процессе конструирования смыслов и пытаясь избежать дихотомии «культура-структура». Через 20 лет Уэлч публикует свое масштабное теоретическое исследование с похожим названием «The theory of political culture» [15], где вместо феноменологического подхода, автор предлагает уже дуалистический или интегративный подход, констатируя, что существующие политологические подходы не могут адекватно ответить на целый ряд вопросов о политической культуре и необходимо обратиться к философским и социолого-психологическим ресурсам.

Автор рассматривает «политическую культуру» в широком смысле, ведя «традиционную политико-культурную линию» Алмонда, Вербы, интерпретативистов и т.д., параллельно анализируя номинализм Вебера, гегемонию Грамши, теорию рационального выбора и дискурсивный подход Мишеля Фуко. Подход Уэлча можно назвать **интегративным**, так как он немного отходит [15] от интерпретативизма, который свойственен его раннему творчеству – кроме интерпретации значений не менее важным становится установлением казуальных механизмов, которые лежат в основе политической культуры. Если в 1993 году при Уэлч «вдохновлялся» феноменологией» Шюца, то в последней работе 2013 года автор указывает на влияние Витгенштейна и Полани, которого подробнее рассмотрим далее.

Итак, в своем исследовании автор ставит перед собой задачу [15] описать онтологические основания политической культуры, а также механизм ее

работы – динамическую сторону. Уэлч предлагает [15] дуалистическую онтологию культуры, в том числе и политической, которая основана на фундаментальном различении двух измерений культуры: практического и дискурсивного. Важно отметить, что эти измерения взаимосвязаны, но не сводимы друг к другу. Практическое измерение политической культуры связано со способностью к действию, с неявными навыками и знаниями – тут автор опирается [15] на концепцию неявного знания Майкла Полани, а также на идеи [15] Витгенштейна о практической способности следовать правилам.

Основной элемент практического измерения культуры – это навык [15. С. 173], сформированный в результате обучения, социализации, повторения и т.д. – приобретение навыка это приобретение телесных предрасположенностей, которые имеют практическое измерение. Даже интеллектуальные навыки, как пишет [15] Уэлч, имеют практическое измерение. Еще раз важно подчеркнуть вклад Полани с его неявным знанием, которое использовал Уэлч – такое знание чаще не может быть выражено в языке или четко сформулировано, что можно с натяжкой сравнить с умением езды на велосипеде – телесный навык есть, а формализованно описать процесс затруднительно.

Следующее измерение – дискурсивное. Если практическое касается конкретных действия и проявлений, которые не всегда могут быть объяснены и прописаны и содержат в себе «неявную часть», то дискурсивная часть культуры есть явная и включает [15] в себя систему значений, смыслов, интерпретаций, норм и обоснований, выраженных в языке и других знаковых системах, которые имеют отношение к политической сфере. Дискурс явлен нам в конкретных предписаниях, в конкретных законах, конкретных ценностных системах – его можно сформулировать и описать. Дискурсивное измерение делает культуру понятной и структурно описываемой. При описании дискурсивной части культуры автор обращается [15] к Дэвиду Блуру и его интерпретации Витгенштейна – правило само по себе не детерменично – то, что «правильно следовать правилу» основано на общем согласии. Нормативные системы и стандарты появляются при взаимодействии множества последователей правил и поддерживаются институциональным или общественным мониторингом, санкциями и т.д. – формальными и неформальными инструментами.

Сам Блур, критикуя вышеобозначенный «детерминизм правил» выдвигает понятие «финитизм смысла» («meaning finitism») [15], когда следование правилам и наделение правил смыслом есть результат работы общественной практики и консенсуса. Интерпретируя Блура, Уэлч предлагает [15. С. 190] следующий механизм влияния дискурса на практику: во-первых, дискурс конструирует или конституирует явление (правило, норму, закон и т.д.), а второй этап – это адаптация людей к этим явлениям. Вслед за примером с неявным знанием и умением кататься на велосипеде, иллюстрацией к взаимосвязи дискурса и практики может быть ситуация, описанная ниже. При проектировании пешеходного перехода можно ориентироваться на существующие практики перехода проезжей части и установить знак и разметку в том месте, где жители района

привыкли перебежать дорогу – тут практическое измерение закрепляется в дискурсе. Однако можно установить знаки в другом месте и будет происходить процесс адаптации к новым правилам – кто-то будет переходить дорогу в определенном знаками месте, несмотря на нарушение привычной практики, а кто-то продолжит, исходя из «телесных предрасположенностей» продолжать переходить дорогу в неположенном месте. Дискурс становится определенным фоном для практики, а следование дискурсу зависит от степени контроля и предрасположенностей людей.

Методологическая часть работы Уэлча так же весьма разнообразна. Так, исследование политической культуры, как ясно из всего вышеописанного, включает в себя анализ практической и дискурсивной сторон. Так, практическая сторона включает в себя анализ навыков и привычек – наблюдение за поведением (взаимодействие с бюрократией, неформальные способы обхода правил и т.д.), как навыки адаптируются к новым условиям, как получают знания о политической сфере, какие и как телесные привычки связаны с политическими значениями или как неявное знание влияет на политическое действие. Дискурсивная сторона связана с анализом, например, общественного мнения и установок – как люди сами объясняют свое поведение, как артикулируют его в языке, система символических значений, анализ политических текстов (от законов до статей) и высказываний, каким образом формируются и распространяются политические идеи.

Говоря о преимуществах подхода Уэлча, выделим прежде всего глубоко разработанность концепции, которая выражается и в двойственной онтологии и фундаментальном философском и психологическом обосновании, автор учитывает казуальную динамику измерений политической культуры, фиксирует ограничение обоих измерений. Автор вводит в аналитическую область как конкретные поведенческие элементы, так и системные дискурсивные факторы. Поход объясняет как устойчивость социальной системы, так и процессы сопротивления через механизм адаптации. К слабой стороне относится прежде всего сложность операционализации элементов концепции – как изучать навыки или практики, а тем более «неявное знание» не всегда понятно. Обратная сторона сильной философской базы – интерпретация философских концепций и категорий – если Блур трактует Витгенштейна одним образом, то другие исследователи могут иметь собственный взгляд концепции Витгенштейна.

Частая критика подходов к политической культуре – ее «изъятость» из общего контекста и слабая позиция социально-экономических факторов. В связи с этим продуктивным будет также упомянуть имя Рональда Инглхарта, который повлиял на восприятие культурной динамики, включая и политическую культуру. Не смотря на большой вклад Инглхарта на понимание формирования политической культуры, кажется непродуктивным выделять его подход в отдельную категорию, так как политическая культура не была предметом специального исследования автора «Молчаливой революции».

Главный вклад Инглхарта в политико-культурную сферу, которая нас прежде всего и интересует, состоит в описании казуальных связей между социально-экономическими и политико-культурными факторами, которые автор устанавливает на основании проведенной серии опросов среди десятков стран. Причем политико-культурная переменная является зависимой по отношению к социально-экономической. Так, автор отмечает, что по мере удовлетворения экономических потребностей, происходит динамика общественных ценностей – с ценностей выживания на посматериалистические ценности, от традиционных к секулярно-рациональным.

Ценности самовыражения, по мнению Инглхарта, обязательно включают в себя и политическую активность, потребность в участии при принятии политических решений и гражданские свободы: «Общества, которые высоко ценят ценности самовыражения, характеризуются высоким уровнем межличностного доверия и относительно высоким уровнем субъективного благополучия. Это создает атмосферу доверия и толерантности, люди уделяют относительно большую ценность индивидуальной свободе и самовыражению, а также имеют активистские политические ориентации – атрибуты, которые политическая культура определяет как решающие для развития демократии» [12. Р. 130-146]. Еще раз отметим, что концепция политической культуры не является предметом исследования Инглхарта, поэтому не будем приводить критику концепции, которой достаточно в научной литературе [5. С. 86-102], а выделим вклад автора в исследование казуальных связей между и условий формирования политической культуры.

Еще одна критика, которая касается практически всех обозначенных подходов – слабый анализ роли политической системы и исполнителей, говоря словами Алмонда и Вербы, в формировании политической культуры. В связи с этим стоит упомянуть большое исследование Роберта Патнэма «Чтобы демократия работала» [7] 1993 года. В работе автор делает попытку выявить факторы, которые влияют на работу властных институтов. Работа также интересна тем, что представляет из себя сравнительное исследование регионов Италии, то есть в рамках одного национального государства.

Так, Патнэм устанавливает взаимосвязь между эффективностью государственных исполнительных институтов и социальным контекстом. Так, Патнэм резюмирует свое исследование следующими тезисами: «социальный контекст и история глубочайшим образом обуславливают эффективность институтов» [7], «У гражданского сообщества глубокие исторические корни» [7], «трансформации институтов способны менять политическую практику» [7]. Патнэм также подчеркивает [7], что значимые изменения в политической культуре (Патнэм пишет о политическом поведении) вследствие институционального влияния. Так, Патнэм вводит в исследование политической культуры институциональный и исторический контексты.

Итак, как можно заключить из проведенного выше теоретического обзора, концепция политической культуры, которая появилась в середине XX века

представляет большой интерес для современных исследователей и теоретиков. Первоначальный подход Алмонда и Вербы, описанный в структурно-функциональном духе и сфокусированный на выявлении устойчивых моделей политических ориентаций и объяснении стабильности демократических режимов, подвергался обильной критике по ряду чувствительных направлений. Последующие подходы, которые были рассмотрены в этой статье – субъективистский, интерпретативный и интегративный – стремились преодолеть эти ограничения, расширяя объект исследования и предлагая более детальное и понимание феномена политической культуры.

Истоком субъективистского подхода можно считать советологию. Исследователи социалистических режимов были ограничены в эмпирическом материале и «использовали то, что было» – прежде всего тексты – мемуары, дневники, статьи, исторические документы, художественная литература. Субъективисты вышли за рамки бихевиоральных ограничений классического подхода и «открыли» для исследователей политической культуры текстовые артефакты. При этом проблема подхода содержится в его названии – субъективность интерпретации текстов и отсутствие строгих методов анализа.

Интерпретативный (или символический) подход был вдохновлен антропологией – политическая культура была частью «широкой» общественной культуры и рассматривалась как система символов, ритуалов и нарративов, которые конструируют политические значения и формируют коллективную идентичность. Исследователи фокусировались на интерпретации этих символов и их роли в политической жизни. Сильной стороной подхода стало внимание к реально наблюдаемому поведению и тем смыслам, который в него вкладывают люди, при этом субъективность интерпретаций и сложность эмпирической верификации оставались проблемой.

Интегративный подход, представленный в работах С. Уэлча в начале 10-х годов, предлагает более сложную и динамичную модель политической культуры, основанную на дуалистической онтологии. Разделение культуры на практическое и дискурсивное измерения позволяет учесть как неявные навыки, привычки и телесные предрасположенности, так и явные системы значений, норм и интерпретаций, выраженных в языке и других знаковых системах. Подход Уэлча учитывает взаимовлияние структуры и агентности, а также динамику адаптации реальных практик к изменяющимся дискурсивным рамкам. Подход Уэлча имеет фундаментальное философское обоснование и вмещает в себя преимущества всех предыдущих подходов, при этом имеет сложности с операционализацией теоретических понятий и, собственно, методами эмпирического исследования.

Выводы. Не смотря на значительный прогресс в развитии концепции политической культуры, ряд вопросов остается открытым. Сложность операционализации элементов концепции, особенно практического измерения, что затрудняет эмпирические исследования. Необходимо дальнейшее развитие методологии, которая позволила бы изучать неявные знания, навыки и практики в их связи

с политическими процессами. Также важно усилить внимание к взаимосвязи политической культуры с социально-экономическими факторами и к роли политических институтов в ее формировании и трансформации. Работы Р. Инглхарта и Р. Патнэма, хотя и не посвящены непосредственно теории политической культуры, демонстрируют продуктивность такого подхода, указывая на важность учета социально-экономического контекста и институциональных факторов.

Развитие и обогащение концепции происходит также в рамках работ, которые напрямую не посвящены политической культуре. Так, Инглхарт существенно обогатил понимание механизмов работы политической культуры, показав каузальную взаимосвязь между экономической и культурной динамикой. А Патнэм продемонстрировал взаимосвязь институтов и политической культуры, добавив еще к этому историческую перспективу.

Наблюдая за динамикой теоретического развития политической культуры, можно заключить, что теоретико-методологическое развитие концепции движется в направлении большей сложности, динамичности, учета контекста и обогащения методологического аппарата познания политической реальности из смежных дисциплин.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Алмонд Г, Верба С.** Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах / пер. с англ. Е. Генделя. Москва: Мысль, 2014.
2. **Богачев М.И.** От поведенческого анализа к пост-бихевиорализму: история парадигмы // Вестник Московского Университета. Сер. 18. 2017. № 1.
3. **Гирц К.** «Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культуры // Антология исследований культуры. Т. 1. СПб.: Университетская книга, 1997.
4. **Горохов А.А., Убриря И.Ф.** Идеологизация культуры как идейная предпосылка ее милитаризации в XX-XXI вв. // Русская политология. 2016. № 1.
5. **Давыдов Д.А.** Концепция постматериализма Роналда Инглхарта в критической перспективе // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отделения Рос. акад. наук, 2018. Т. 18, вып. 3.
6. **Иглтон Т.** Идея культуры / пер. с англ. И. Кушнаревой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.
7. **Патнэм Р.** Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции современной Италии. М.: Ad Marginem, 1996.
8. **Петро Н.Н.** О концепции политической культуры, или Основная ошибка советологии // Полис. Политические исследования. 1998. № 1.
9. **Сетов Р.М.** Проблема стабильности политических систем в западной политической науке XX в.: бихевиоральный подход // Вестник московского университета. 2015. № 5.
10. **Brown A.** Soviet Politics and Political Science. N.Y., 1974.

11. **Dittmer L.** Political Culture and Political Symbolism: Toward a Theoretical Synthesis. «World Politics», 1977.
12. **Inglehart R.F.** Changing Values among Western Publics from 1970 to 2006 // West European Politics. 2008. № 1-2.
13. **Tucker R.** Culture, Political Culture, and Communist Society // Political Science Quarterly. 1973. Vol. 88. № 2.
14. **Welch S.** The concept of political culture. N.Y.: St. Martin's Press, 1993.
15. **Welch S.** The theory of political culture. Oxford University Press, 2013.
16. **White S.** Political Culture and Soviet Politics. N.Y., 1979.

D.A. RAZINKOV

Postgraduate student of the Department
of Philosophy of Politics and Law of the Faculty of Philosophy,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

THEORETICAL DEVELOPMENT OF THE CONCEPT OF POLITICAL CULTURE

The emergence of the concept of political culture in American political science is associated with Almond's 1956 work, where the author introduces and describes the category. At the same time, Almond's work in collaboration with Sidney Verba is considered classic, where the concept received not only theoretical development, but also became a theoretical and methodological framework for comparative research among 5 countries. Thus, the concept of political culture has become one of the dominant conceptual models in comparative political science and the methodological basis for many studies. The scale of the concept is also indicated by the scale of its criticism, which concerns both the theory itself, the methodology, the ideological context of the concept's origin, as well as inconsistencies with empirical reality. This article will examine and outline the history of the concept's development, alternative approaches to understanding political culture that were a response to criticism or occurred in connection with the emergence of new scientific paradigms and approaches.

Key words: history of political science, cultural studies, structural functionalism, anthropology, criticism of political culture, cultural ontology, subjectivism, interpretivism.